

З. Д. Попова

ЗНАКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЛИНГВОСЕМИОТИКЕ

Уже много раз говорилось, что если бы люди не придумали знаки и не стали бы ими пользоваться, они никогда не поднялись бы до понятийного мышления. Именно знаки позволяют постигать то, что в данный момент отсутствует в поле зрения человека, что не знакомо ему или вообще не имеет чувственно воспринимаемого характера. Именно знаки позволяют обозначать одно и то же повторно, в различных связях, позволяют преодолевать слабые стороны познавательного аппарата человека¹.

Для того чтобы чувственно воспринимаемая вещь могла служить знаком чего-то отсутствующего или не воспринимаемого, необходима знаковая ситуация.

Осмысление знаковой ситуации в истории науки шло постепенно.

Античные и средневековые мыслители обсуждали вопрос об отношении слова и обозначаемого им предмета. Те, кто считал слово *именем* предмета, данным людьми, по сути дела уже нащупывали знаковую ситуацию. Она складывалась из двух компонентов: знак (имя) — обозначаемый предмет².

Философы XVII—XVIII вв. открыли третий компонент знаковой ситуации — понятие. Признав слово знаком понятия о предмете, они фактически представили знаковую ситуацию как трехкомпонентную: знак — понятие — обозначаемый предмет.

Основоположник семиотики как самостоятельной науки о знаках Чарльз Пирс разрабатывал свою концепцию на основе этих же трех составляющих. Под разными названиями эти же три компонента присутствуют в трудах многих логиков, семиотиков, лингвистов, в частности, в широко известном треугольнике С. Огдена и Д. Ричардса³, в трудах Ф. Палмера и др.⁴.

Для более подробного знакомства с историей становления семиотики и разработки знаковой ситуации отсылаем читателя к высокоинформативной книге “Семиотика”, составителем и редактором которой является Ю. С. Степанов⁵. В данной статье мы обсуждаем современные представления о знаковой ситуации в лингвосомиотике и потому о предыстории разработки этой категории лишь бегло упоминаем.

Одно из первых развернутых описаний знаковой ситуации как важной категории в семиотике предложил выдающийся немецкий логик и математик Готлоб Фреге в его знаменитой статье *Sinn und Bedeutung*, впервые опубликованной в 1892 г.

В русских переводах этой статьи она обычно называлась “О смысле и значении”, так как буквальный перевод немецкого слова *Bedeutung* — значение, смысл. Однако переводной эквивалент *значение* в русскоязычных лингвистических работах занят как термин для обозначения мысленного образа, с которым ассоциировано звучание слова. А у Фреге словом *Bedeutung* назван предмет, находящийся во внеязыковом мире и получивший название (имя). В современных семиотических трудах такой предмет чаще называют термином *денотат*, а иногда и *референт* (о чем мы еще скажем ниже).

Поэтому в работах ученых, излагающих и комментирующих идеи Г. Фреге, оперирование термином *значение* вызывает определенные трудности для читателя, в первую очередь для лингвиста⁶. Учитывая это обстоятельство, в одном из последних переводов статьи Фреге⁷ переводчица Е. Э. Разлогова предпочла вариант “Смысл и денотат”. Считая это решение хорошо продуманным и рациональным, в дальнейшем изложении мы опираемся на перевод Е. Э. Разлоговой.

Итак, Фреге предложил различать *имя* (знак), *денотат* (предмет, называемый именем) и *смысл* имени (концепт денотата). Знаковая ситуация из этих трех компонентов получила название семантического треугольника Фреге. Под смыслом имени Фреге понимал то, что отражает способ представления обозначаемого денотата. Иллюстрацией служит пример, ставший теперь уже классическим: денотат выражений *утренняя звезда* и *вечерняя звезда* один и тот же (планета Венера), но смысл этих выражений различается. Одному денотату может соответствовать несколько смыслов. Один и тот же смысл может выражаться разными знаками. У знака (имени) всегда есть смысл, но не у всякого смысла есть денотат. Например, у выражения *наиболее удаленное от Земли небесное тело* смысл есть, но денотата нет⁸.

Фреге выделяет еще и *представление* о денотате — расплывчатое, пропитанное эмоциями, глубоко субъективное, индивидуальное. Смысл он помещает между денотатом и представлением. Фактически Фреге обозначил не треугольник, а четырехугольник; почему-то этот момент остался не замеченным интерпретаторами концепции Фреге. Получается, что знаковую ситуацию в концепции Фреге можно представить так: знак (имя) — представление — смысл — денотат (обозначенный предмет)

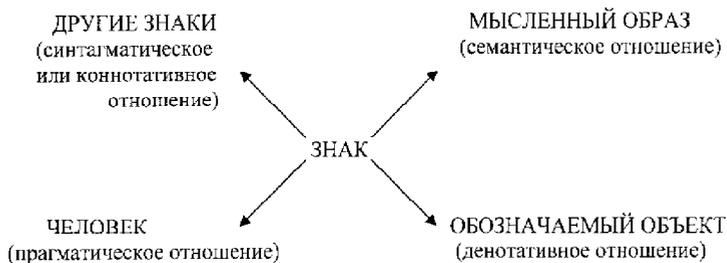
Создатель фундаментальной теории языкового знака (первая публикация — 1916 г.) Фердинанд де Соссюр определял языковой знак как двустороннюю психическую сущность, состоящую из акустического образа (означающего) и понятия (означаемого). И важным

моментом для дальнейшего осмысления знаковой ситуации стала разработка Соссюром категории *значимость* языкового знака, предполагающая обязательное наличие многих знаков, так как только при сопоставлении и противопоставлении каждого знака каждому другому знаку данного множества выявляется значимость, благодаря которой знак выполняет свою функцию. Иными словами Соссюр ввел в знаковую ситуацию компонент *другие знаки*⁹.

Крупнейший американский семиотик XX в. Чарльз Моррис рассматривает знаковый процесс (семиозис) как пятичленное отношение V, W, X, Y, Z, в котором V вызывает в W предрасположенность к определенной реакции (X) на определенный вид объекта (Y), который, следовательно, действует как стимул при определенных условиях (Z). Буквенные символы в этом определении означают: V — знак, W — интерпретатор, X — интерпретант, Y — значение (означивание, сигнификат), Z — контекст, в котором встречается знак.

Как видим, в знаковой ситуации появился человек и отношение знака к другим знакам.

Таким образом, знаковая ситуация в общей семиотике приняла вид:

Вещь может стать знаком, только попав в знаковую ситуацию, так как *быть знаком* — это функция, а не природа вещи. Вне знаковой ситуации эта же самая вещь знаком служить не будет.

Для общей семиотики, которая занимается всеми видами знаков, такое представление знаковой ситуации, видимо, достаточно. Но для лингвосемиотики, изучающей знаки естественного языка, такая знаковая ситуация является неполной.

Карл Бюлер, известный немецкий психолог и лингвист, рассматривал знаковую ситуацию именно для языкового знака (первое издание его книги — 1934 г.). Бюлер исходил из утверждения Платона о том, что язык — это *organon*, служащий для того, чтобы один человек мог сообщить нечто о вещи другому человеку¹⁰.

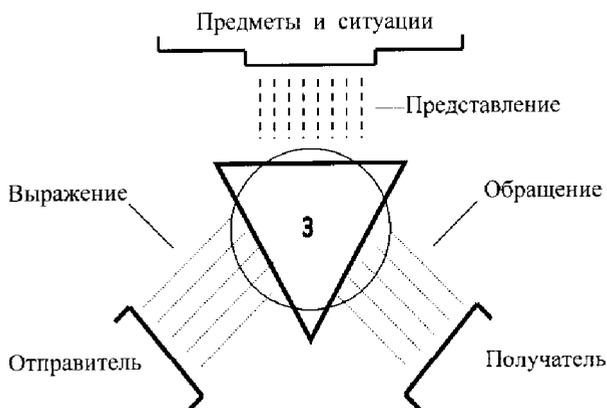
В модели Карла Бюлера языковой знак графически изображен в

виде треугольника, наложенного на круг так, что углы треугольника выходят за пределы круга, а за пределами треугольника остаются сегменты круга. Автор хотел этим показать, что языковое явление (круг) и его знаковое содержание (треугольник) не вполне совпадают.

Стороны треугольника символизируют три фактора, которые делают языковое явление знаком. Это предметы и ситуации, по отношению к которым языковой знак выступает как *символ*; это отправитель, у которого языковое явление становится *симптомом*; это получатель, который воспринимает языковое явление как *сигнал*.

Линии, соединяющие треугольник с каждым из трех факторов знаковой ситуации, символизируют семантические функции (сложного) языкового знака¹¹. С тремя отношениями языкового знака Бюлер связывает осуществление трех функций языка: репрезентации, экспрессии (выражения) и апелляции (обращения).

Приведем схему К. Бюлера.

В этой схеме в отличие от общесемiotической модели знаковой ситуации фактор *человек* представлен в двух ипостасях как *отправитель* и как *получатель*. Важность такого представления отмечает М. В. Никитин, который считает, что для понимания знаковой природы языка необходимо учитывать существование *отправителя*. Языковой знак — это, прежде всего, средство коммуникативного акта, он предназначен *получателю*. Учет существования отправителя позволяет четко отграничить знаки языка от других естественных и несловесных знаков, которые не имеют коммуникативной интенции¹².

Действительно, если не учитывать присутствие отправителя, знаком можно считать любое явление природы, любой след какого угодно события (колея от колес, лужа от дождя и т. п.), любой симп-

том (цвет лица, температура тела, родинки и т. п.). Для таких знаков вполне достаточна знаковая ситуация: знак — смысл — человек.

Необходимость присутствия в схеме мира предметов и ситуаций, отправителя и получателя представляется нам совершенно очевидной, а модель К. Бюлера в этом соотношении вполне адекватной. Но как раз системная организация языковых знаков в модели Бюлера не отражена. На месте системы расположен один-единственный языковой знак (языковое явление в его отношении к трем факторам, делающим его знаком).

В настоящее время по результатам трудов семиотиков и лингвосемиотиков уже явно недостаточно символизировать систему языка одним ее знаком. Например, в модели языкового знака Р. Г. Пиотровского содержатся такие составляющие: *имя* (означающее), *денотат* (образ конкретного предмета), *десигнат* (концепт, смысл, понятие), *коннотат* (экспрессивно-оценочные, эстетические и т. п. значения), *прагматические потенции*. В план выражения Р. Г. Пиотровский помещает *имя*, в план содержания — *денотат*, *десигнат* и *коннотат*, а прагматические потенции автор относит к плану интерпретации знака¹³.

Примерно те же составляющие знаковой ситуации для языкового знака, хотя и в разных соотношениях и в разной терминологии, выделяют и обсуждают современные лингвисты, занимающиеся проблемами системы языковых знаков. Поэтому, как нам представляется, уже нельзя построить знаковую ситуацию в лингвосемиотике, не вводя в нее отношение языкового знака к другим таким же знакам, к их означаемому, к образам предметов и жизненных ситуаций и далее — к самим предметам и жизненным ситуациям.

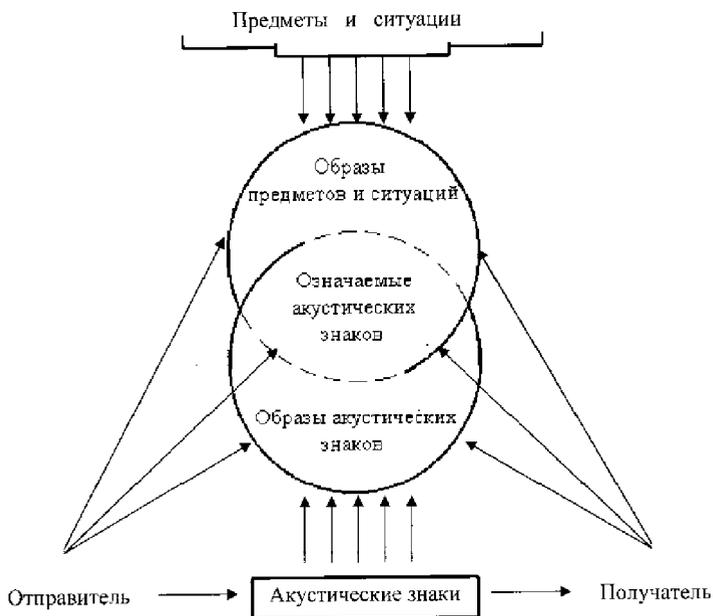
Из работ, специально посвященных знаковой ситуации в лингвосемиотике, нам известна лишь работа Н. А. Слюсаревой. Мы полностью согласны с утверждением автора о том, что философы ограничиваются выяснением положения понятий в знаковой ситуации, а лингвисты стремятся уяснить всю сложность внутренней стороны слова. Далее автор сосредоточивается на характеристике отношения *знак — смысл*, которое она считает содержанием знаковой ситуации¹⁴. Ограничивая знаковую ситуацию этими двумя компонентами, исследовательница тем не менее помещает их в “процесс общения”, в котором участвуют говорящий, слушающий, предметы и язык. Теснейшее взаимодействие процесса общения и знаковой ситуации Н. А. Слюсарева не отрицает, так что разграничение всех названных факторов на две категории (знаковая ситуация и процесс общения) носит чисто терминологический характер.

Описывая отношение *знак — смысл*, Н. А. Слюсарева разграни-

чивает *смысл*, *значение* слова и *предмет*, к которому относится знак. В терминах автора эти составляющие обозначаемого соответственно именуются денотат, номинат и референт.

Во многих лингвистических работах, специально не посвященных знаковой ситуации, говорится, однако, о знаках и значениях, об особенностях их функционирования в речи и хранения в системе языка и других аспектах этой проблемы. Но каких-либо новых составляющих знаковой ситуации в них не выдвигается, в связи с чем делать обзор этих работ в данной публикации представляется избыточным.

Желание отразить в знаковой ситуации все обнаруженные на сегодняшний день составляющие языкового знака привело нас к мысли представить на пересечении линий, идущих от обозначений трех основных участников ситуации (предметы и ситуации, отправитель, получатель), не один языковой знак, а всю систему языковых знаков, находящуюся в сфере речемыслительной деятельности человека.

Отправитель и получатель акустического знака одинаково подключены к системе языковых знаков, хранящейся в их мозгу. Именно здесь запечатлены образы акустических знаков (лексемы), образы предметов и ситуаций внешнего мира (концепты, смыслы), в том числе и те, которые получили наименования, имеют свои способы

выражения посредством языковых знаков (денотаты). Здесь же находятся и означаемые акустических знаков (семемы).

Из теории значения слова известно, что семемы состоят из денотативной и коннотативной частей. Денотативная часть включает признаки денотатов (вербализованных концептов, смыслов), а коннотативная часть определяется образами субъективной реальности, отражает и черты акустических знаков (игра слов, звукоподражания, звуковой символизм и т. п.). Иными словами, семемы, являясь воплощением денотатов, добавляют к ним и коннотаты — сообразования, расцветивающие образы внешнего мира красками эмоциональных, экспрессивных, оценочных субъективных переживаний.

Система языковых знаков образуется во взаимосвязях и взаимодействии лексем и семем, причем организующим началом являются семемы. Содержание семиотической системы, — пишет В. М. Солнцев, — всегда результат деятельности людей. Ее организующим моментом является смысловое, информационное, идеальное начало¹⁵.

Образы предметов и ситуаций образуют концептосферу человека, а та часть концептосферы, которая получила языковое выражение и вошла в сферу означаемых акустических знаков, с добавлением коннотатов образует семантическое пространство языка. Благодаря совмещению денотативных и коннотативных частей семантическое пространство языка тесно соединяет образы акустических знаков с образами предметов и ситуаций внешнего мира.

Для нас существенно, что с предложенной схемой вполне совмещается трактовка отношений между элементами системы языка, изложенная Г. П. Мельниковым, который представил такое соотношение: речевой (акустический) знак → языковой знак → значение → смысл. Первый компонент этой цепочки является означающим второго, второй и третий — означаемым предшествующего и означающим последующего компонента и, наконец, четвертый компонент — только означаемым¹⁶.

Предложенная нами модель знаковой ситуации позволяет уточнить ряд не вполне ясных терминологических и теоретических вопросов лингвосемиотики.

Уже из предыдущего изложения можно было видеть, насколько расходится терминопотребление в разных семиотических трудах. Это не удивительно, так как семиотика рождалась на стыке нескольких наук — философии, логики, психологии, нейрофизиологии, лингвистики и некоторых других.

Многообразие терминов, описывающих знаковую ситуацию, еще в 1967 г. констатировал Г. В. Колшанский. *Реальный объект*

— он же денотат, он же референт; *значение слова* — оно же сигнификат, оно же десигнат. В терминах Р. Карнапа эти составляющие называются *экстенционал* и *интенционал*, в терминах Г. Фреге — *значение* и *смысл*, в работах А. Черча, Б. Рассела и некоторых других — *денотат* и *понятие*¹⁷.

О разное в употреблении семиотических терминов подробно пишет А. А. Худяков. Он отмечает, что терминологический аппарат семиозиса в работах, использующих эту категорию, не имеет четких делимитационных линий. В частности, отсутствует разграничение терминов *денотат* и *референт*, *референт* и *значение*, *значение* и *концепт* и ряда других¹⁸.

Это положение мало изменилось за последние годы. Н. Ф. Алефиренко в 2003 г. вновь и вновь уделяет внимание рассмотрению терминов, их определению, их разработке, выяснению их взаимоотношений. В частности, он использует термины *контенционал* — совокупность отраженных в концепте признаков; *экстенционал* — множество однородных предметных образов, класс денотатов; *интенционал* — содержательное ядро языкового значения; *импликационал* — периферия семантических признаков значения языкового знака¹⁹.

Наша модель позволяет соотнести термины, разбросанные по разным семиотическим публикациям, с опорой на ее составляющие.

Акустический знак — тело знака, законотворитель, медиатор, экспонент.

Образ акустического знака — лексема, десигнатор.

Означаемое акустического знака — значение слова, десигнат, семема.

Образ предметов и ситуаций — смысл, концепт, денотат.

Предметы и ситуации внеязыкового мира — денотаты, референты.

Предпочтительные термины:

Акустический знак — *акустический знак*, *акустема*.

Образ акустического знака — *лексема*.

Означаемое акустического знака — *семема*.

Образ предметов, ситуаций: вербализованный — *денотат*; невербализованный — *концепт*, *смысл*.

Предмет, ситуация внеязыкового мира — *референт*.

Лексемы и семемы образуют систему языка. Семемы и денотаты образуют семантическое пространство языка. Денотаты и невербализованные концепты (смыслы) образуют концептосферу человека.

Наша модель позволяет также уточнить сферы изучения языка разными отделами лингвистики.

Фонетика изучает акустические знаки. Фонология рассматривает образы акустических знаков в мозгу человека. Систему языка (лексемы в единстве с их семемами, сочетания лексем в единстве с

сочетаниями их семем) изучает традиционная лингвистика со всеми ее отделами (лексикология, словообразование, морфология, синтаксис простого, сложного и осложненного предложения, фразеология). Новый отдел языкознания — когнитивная лингвистика выясняет соотношения семем и их сочетаний со сферой концептов (вербализованных и невербализованных).

Полагаем, что наша модель позволит уточнить и другие характеристики языковых знаков и подходов к их изучению, например, степень знаковости разных единиц языка (звуков, слогов, фонем, морфем, лексем, структурных схем); типы языковых знаков (сигналы, симптомы, иконические знаки и др.). Приняв нашу модель за эталон, можно установить, какой областью знаковой ситуации занимается тот или иной ученый, независимо от терминологического аппарата, которым он пользуется. Размеры статьи не позволяют подробно остановиться на обсуждении этих возможностей, что может стать предметом других публикаций.

¹ Бирюков Б. В. О взглядах Г. Фреге на роль знаков и исчисления в познании // Логическая структура научного знания. М., 1965. С. 96—97.

² См.: Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Иркутск, 2001. С. 48—58.

³ Греймас Альгирдас Ж., Курте М. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983. С. 495.

⁴ См.: Соломоник А. Язык как знаковая система. М., 1992. С. 131.

⁵ Семиотика. М., 1983.

⁶ См.: Бирюков Б. В. Указ. соч. С. 34; Худяков А. А. Семиозис простого предложения. Архангельск, 2000. С. 115 и др.

⁷ Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 351—379.

⁸ Там же. С. 354—355.

⁹ Соссюр де Фердинанд. Труды по языкознанию. М., 1977.

¹⁰ Бюлер Карл. Теория языка. М., 1993. С. 30.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Никитин М. В. Предел семиотики // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 4.

¹³ Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика и теория языка. М., 1979. С. 17.

¹⁴ Слюсарева Н. А. О знаковой ситуации // Язык и мышление. М., 1967. С. 274—283.

¹⁵ Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971. С. 21.

¹⁶ Мельников Г. П. Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка. М., 1974. С. 27—29.

¹⁷ Колшанский Г. В. Семиотика слова в логическом аспекте // Язык и мышление. М., 1967. С. 190—195.

¹⁸ Худяков А. А. Указ. соч. С. 40—64.

¹⁹ Алефиренко Н. Ф. Проблема вербализации концепта. Волгоград, 2003. С. 33—35.